

СЕРГЕЙ ГОЛОВАНОВ

СОКРОВИЩА
РОССИИ

Сергей Голованов

Сокровища России

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Голованов С.

Сокровища России / С. Голованов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

После развода с женой, которая существенно опустошила его карманы, Эдик Пospelов зарабатывает поиском, подделкой и перепродажей коллекционных картин и икон. У девушки Тани, с которой он познакомился совершенно случайно, оказался дед с большой коллекцией древнерусских икон. Чтобы получить доступ к ним, Эдуарду даже пришлось женить своего друга Ивана. Наконец первые и такие долгожданные экземпляры икон в руках у Эдика. Но, к огромному его разочарованию, они оказались подделками. Пospelов приходит к мысли, что все дороги ведут в художественный музей, который ранее занимался реставрацией икон по просьбе деда... Авантюрный детектив «Сокровища России» Сергея Голованова станет находкой для поклонников жанра, любителей головокружительных интриг и хитроумных загадок.

© Голованов С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛАВА 1. Знакомство	5
ГЛАВА 2. «Облом? А мы тверже, чем кажемся»	7
ГЛАВА 3. «Опять облом. Но мы выдержим»	13
ГЛАВА 4. Вроде успех? Чего же не хватает?	18
ГЛАВА 5. Наезд на музей	21
ГЛАВА 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Голованов

СОКРОВИЩА РОССИИ

Авантюрный детектив

ГЛАВА 1. Знакомство

Во всем виновата женщина. Эдику Поспелову не следовало забывать эту библейскую истину, когда в одном из залов выставки русских икон к нему с вопросом обратилась симпатичная рыженькая девушка. Возможно, тогда шквал событий не занес бы Эдика невесть как далеко: событий, где ложь, взятки, хищения и даже убийства развернулись трудной и грязной дорогой, которую ему предстояло пройти.

– Вы не знаете, за сколько можно продать такую икону? – спросила девушка. Ее зеленые глаза говорили скорее о желании познакомиться, но вопрос понравился своей конкретностью, и Эдик обстоятельно объяснил положение на антикварном рынке, из которого выходило, что подобные иконы лучше всего продавать через него, Эдика, ибо во всех прочих случаях симпатичную девушку с зелеными глазами – как вас зовут? Таня? – так вот, его новую знакомую Татьяну обязательно кинут и обманут, а то и попросту ограбят жулики и проходимцы. Если, конечно, есть, что грабить.

В последующем разговоре Эдик сумел выудить достаточно интересного для того, чтобы продолжить знакомство. С чисто коммерческими соображениями, сама девушка его не заинтересовала. Недавний развод с женой оставил его в состоянии некоторой контузии – в моральном плане, и почти полной опустошенности – в финансовом. Продажа живописного антиквариата была основным его занятием уже который год.

Они стали встречаться, причем Эдик старался не выходить из чисто деловых отношений, держась с Танькой словно старший брат. Или старший товарищ. Могло показаться проще пробиться к коллекции ее деда путем охмурения девчонкиного сердца, но Эдик не привык врать, так его воспитали. Рассудив, что девчонке без разницы – кто именно будет ее трахать, годы такие, восемнадцать, он познакомил с ней своего приятеля Ивана, и спустя всего пару месяцев ребята сочетались законным браком, хотя при виде счастливой парочки Эдика не покидало чувство какой-то непонятной ошибки. Танька, кстати, не особенно и рвалась регистрироваться, пришлось уговаривать, Ивану в первую очередь, чтобы вплотную подобраться к коллекции. Таньке спешить-то некуда, дедушка старенький, хворый, и его коллекция так или иначе все равно ей достанется, стоит подождать. Но Эдику нужны были деньги. Ивану – тоже, и потому ждать у моря кончины их не устраивало. Эдику удалось, улучив момент, бегло осмотреть собрание Анатолия Ивановича Горшкова, после чего он без колебаний принялся занимать доллары у своего делового партнера Роберта Нортон, английского дипломата. Под такую коллекцию можно было занимать без раздумий. Иван мечтал о своей машине, иномарке, даже старенькой, и советы Эдика, что на такой коллекции можно жениться бегом и без раздумий, его убедили, хотя в свои двадцать один год планы женитьбы находились до этого в хвосте прочих.

Иван работал в охранной фирме. Работа совершенно идиотская, по мнению Эдика «псом за сто баксов», и в перспективе ничего парню не сияло. Он любил «тягать железо», не пил, не курил, и очень слушался свою мамочку, надежда уйти от которой повлияла не в последнюю очередь на решение сделать предложение.

Мысль женить Ивана на коллекции, то есть на Таньке, не вызывала у Эдика никаких противоречий, тем более, что Татьяне – как понял Эд, обрыдло торчать с дедом в трехкомнат-

ной квартире – из-за этой квартиры же, по сути – Танька пыталась вырваться из хомута: хоть как, хоть замуж. Да, московская квартира доставалась нелегко. Дед забрал внуку из мелкого городка на российских просторах не вовсе от широты душевной, а просто для ухода. Обещал завешать ей московскую квартиру, и все, что в ней находится – так что пахать девчонке приходилось, по сути, домработницей за одну только кормежку. Со стороны вроде нормально выглядит – дед припахал вроде как по-родственному, но Таньке как-то, если честно, это на фиг не нужно.

Историю появления Таньки в Москве Эдик выслушал, выцеживая главное для себя, и оно было мрачным – дед еще упертее, чем кажется на первый взгляд. Мысль уговорить старого продать коллекцию, хотя бы часть, постепенно усохла. Камень, а не дед, судя по Танькиным рассказам. Его Петром бы звать, а не Анатолием. Впрочем, иначе ему не собрать бы такой коллекции. И не сохранить ее. Насмерть рассорился с дочерью и зятем, отказавшись продать из коллекции даже малость, чтобы помочь им.

– Работайте. Клянчить – это не работа, – ответ для родственников у него имелся только этот, как ни тяжело приходилось им в жизни.

Первое время Эдик надеялся разойтись с Горшковым по хорошему – просто предложить хорошие реальные деньги за все его барахло, тем более, что Нортон не отличался хитростью или скупостью: если вещи стоящие, он не имел привычки тратить время на торговлю. Но Горшков и слушать не желал о продаже. А на второй встрече ясно заявил, что не желает видеть Эдика вообще, и в дружках своей внучки – особенно. Пришлось тратить время на обходные пути, хотя Эдику надоело подделывать этот антикварный утиль. Впрочем, деньги сильнее всяких «не по душе», тем более Нортон отстегивал авансы только по описанию, он доверял Эду, зная его не первый год. Эдик таскал ему древнерусские побрякушки и прочее, всегда улыбался и никогда не приносил неприятностей, а они в таком бизнесе запросто случаются. Например, если ты покупаешь явно «паленую» вещь и не знаешь об этом. Менты, они такие – и убийство повесят только на этой вещице. Эдик не спихивал Нортону «паленого», а если это и случилось, то всегда предупреждал – так уж родители воспитали, правду говорить. Так случилось, например, с картиной Айвазовского «Утро на побережье», которая была украдена в Сочи и объявлена во всесоюзный розыск. Нортон, подумав, все-таки взял ее – и не пытался сбить цену. Среди торгашей это то же самое, что объятия и поцелуи для политиков, полное доверие, если оно возможно у политиков.

Старикан собирал коллекцию всю свою жизнь, работал в реставрационных мастерских Третьяковки, имел возможности, отличные от возможностей прочих коллекционеров. Сейчас, в свои восемьдесят с гаком, все еще работал, но уже по консультациям, на обмене опытом, для реальной реставрации требовались молодые глаза и руки.

ГЛАВА 2. «Облом? А мы тверже, чем кажемся»

Вся эта тягомотина кончилась, наконец, одним весенним, теплым солнечным днем, когда они решили действовать. В скверике, где они сидели на скамеечке, жмурясь под лучами, уже густо росла зеленая трава, а на деревьях распускались зеленой взрывной волной набухшие почки. Танька закинула ногу на ногу так, что из-под красной юбки показались трусики, но замечали их только прохожие, что изредка проходили по асфальтовой дорожке – вся троица, два парня и девчонка посредине – смотрели скорее в себя, в свои рухнувшие планы.

– Старый хрыч, – невесть который раз повторил Эд, – ну и старый... Новость, которую принесла Танька, просто убила его. Надежды на быстрое решение проблемы окончательно рухнули. Придется работать. Коллекция – вся! полностью! – завещана Российскому государственному Музею. И это решение давнее. Старый хрыч скрывал его даже от родных. Или – в первую очередь от родных. Танька нашла этот документ только потому, что искала нечто подобное по настоящему Эдика, хотя никто в такое и не верил. Но иначе Эдик просто не мог объяснить несуразиц в поведении старого хрыча, гада и жмота, да что говорить – просто старой сволочи. Эдик достаточно занимался скупкой и продажей икон и прочего антика, что пользуется спросом у иностранных покупателей, и потому знал достаточно коллекционеров, для того, чтобы понять – все они со сдвигом по фазе. Сдвиг этот незаметен для большинства окружающих, и Эдик надеялся, что Горшков все-таки в рамках, в терпимых для таких идиотов рамках, хотя этот Горшок и превзошел многих ему подобных чудиков – когда после тяжелой аварии его дочери потребовалась операция в зарубежной клинике, за которую запрашивали около ста тысяч долларов, он посоветовал зятю отвести жену в московскую клинику, где ей поправят коленный сустав почти бесплатно, и с тем же результатом, ведь ходить-то будет. Зять так и сделал – что оставалось, если Горшок отказался продавать дорогой его сердцу хлам. Кстати, большинство коллекционеров еще и торгаши в определенной мере – иначе трудновато пополнять коллекцию, продают ненужное задорого, покупают нужное задешево, это жизнь, норма, пусть полунорма, для Эдика, и тут Горшков виделся какой-то клиникой. Полностью нормальными Эдик считал торгашей, типа «купи-продай» что угодно, хоть Рублева-Репина, – он сам был такой, хотя его иногда одолевала соблазн оставить себе картину или икону, стукнувшую по сердцу – они же быют, это факт. Не всем, конечно. Большинству людей до фени – смотрят рыбьим взглядом и вежливо эдак кивают, что да, шедевр, да, красиво... – но ни фига не чувствуют. Видимо, немного другая организация нервной системы. Может быть, попроще в этом отношении – но сложнее в другом. Ведь есть же, например, люди с абсолютным музыкальным слухом, те, которые различают в ноте половинки ноты и даже четвертинки – для человека без музыкального слуха они звучат одинаково. Так и в живописи. Кто-то видит, а кто-то – нет. Но эти «нет» – они нормальные люди, в отличие от коллекционеров. Эдик старался помнить это, он сам был таким еще несколько лет назад, когда только начал заниматься этим бизнесом. Конечно, с тех пор в нем многое изменилось. Образно говоря, в живописи он различал теперь не только четвертушки, и не только восьмушки, он различал даже одну/тридцать вторую, может, и шестьдесят четвертую... трудно сказать, но уж подлинник от подделки Эдик отличал с первого взгляда. Фальшь просто била в глаза. Однако, этот внутренний рост, или прогресс не мешал Эдику помнить первоначальный взгляд на такие вещи. Если точнее, то икона – это просто старая доска, испачканная старыми красками, а картина – кусок тряпки, тоже испачканный. Эдик знал, что такой взгляд терять нельзя, иначе незаметно можно опуститься до полного безумия... вроде этого старого хрыча Горшкова, который стал, по сути, просто рабом своей коллекции. Сотворил себе идола... Его дочери сустав, конечно, склеили. Ходит теперь с палочкой. Плохо гнется суставчик. А что вы хотели почти бесплатно? Вот на смазку и не хватило. Нет ее пока в

России, дорогая смазка, в сто тысяч долларов. Конечно, Горшкова, как и любого психа, это не убедило – ворчал, что и за границей получилось бы то же самое, если не хуже, но что с психом спорить? У них ответы найдутся.

Нортон тоже был из породы коллекционеров, однако деньги для мужика, и так не бедного, всегда оказывались важнее этих антикварных глюков. «Не продам никому» – эту фразу от англичанина Эдик слышал не раз, и блеск в глазах отливал фанатизмом... который незаметно испарялся, едва Эдик, найдя более высокую цену, начинал убеждать Нортон продать картину или икону обратно. За хорошую цену – как убедился Эдик – Нортон продаст и Андрея Рублева, и Джоконду, попадись она в руки, вообще что угодно. Да, он коллекционер. Но не идиот. Нортон обладал еще одним ценным качеством – определенного рода бесшабашностью, то есть его не особенно пугала возможность скандала и трений с законом. В определенных пределах, конечно. Всякие виды силового раздобывания ценностей исключались напрочь, и воспитанием, и просто здравым смыслом – известно, что бесхитростные воры и грабители получают всех меньше денег и самые большие сроки. Эта бесшабашность и позволила Нортону расстаться уже с двадцатью тысячами долларов – по сути, только на разведку коллекции. На получение Эдиком информации. И вот она получена. Просто убойная. Вопрос о продаже снят. Коллекция не продается.

Эдик мрачно размышлял над загадками жизни и человеческой психики, стараясь не соскальзывать в простую ругню. Старый этот... сколопендра, он имел всех своих родственников по полной программе. Полный шизоид. Он держал и дочь свою, и зятя, и внуку Таньку за... за... пустое место? Хрен бы Таньку ему отдали фактически в услужение, не надейся родня на будущие деньги от продажи коллекции. Девчонке ж учиться надо. Квартира дедовская, положим, тоже что-то стоит. Ну, пусть дорого стоит. Старый хрыч мог честь достаточной такую квартирную – пусть оплату. Эдик вдруг понял, что его раздражает в таком решении старика. То, что тот завещал всю коллекцию государству, вот что. Если б этот дегенерат изрубил ее топориком на дрова, Эдик бы и слова худого не подумал. Имеет право. Но государству!!! Эдик не мог этого понять, но разобраться в причинах непонимания все же пытался.

Положим, все россияне ненавидят свое государство. Ненавидят – сказано слишком сильно, разумеется, но только для экономии слов. Скорее это страх и недоверие. Ненависть несет в себе активное начало, действенное, а уж такого отношения в культуре россиян давно нет, истреблено этим же государством. Такова уж история государства Российского, что его граждане по сию пору чаще получают от родимого по башке и по карману, чем по справедливости. Эдик в этом смысле был анархист, считая, что любить нужно людей и родину, а государство в лице его чиновников уж как-нибудь обойдется без любви. Этой сволочи и зарплаты хватит. Остальное вырвут и наворуют. Завещать государству в лице Российского государственного музея, это ж придумать надо! Ладно, еще можно бы понять, будь этот Горшков из прихлебателей этого самого государства, из шутов его, вроде композитора или писателя, но этот хрыч, он же пахал всю жизнь, и за копейки пахал. Если и срывал порой рубли, то вопреки воле государства. Или он думает, что отдает свои ценности народу? Не настолько же он дурак. Народ – вот он сидит на скамеечке. Внука Танечка, у которой денег не хватает ни на что, ее муж Ванька, которому на иномарку денег нет, а он, Эдик, ихний друг и знакомый, он разве не народ? А дочка-хромоножка? Да вот тот бомж, что в траве неподалеку валяется – ему тоже денег не хватает – он не народ разве?

Эдик понимал, что не совсем справедлив в таких рассуждениях, но справедливость его не интересовала. Если будешь так думать за противника, то и воевать примешься сам с собой, и потому – к черту справедливость. Старый пень отдает деньги государству, его треклятым чиновникам, а не народу... такова реальность. По фигу народу иконы и вся прочая живопись – уж кто-то, а Эдик знал это из практики. Эти иконы ему тащили порой чемоданами, продавая чуть не на вес... народу деньги нужны, а не искусство – уж в этом Эдик убежден был на

двести процентов. Иконы и картины, они иностранцам нужны. Вот он иностранец Нортон... и деньги дает нехилые,... а этот...ну, плесень! он что же задумал – этому вот бомжу, внучке Таньке, мужу Ваньке, дочке-хромоножке – он доски свои старые и холсты пачканые втетирует вместо денег? Мол, любуйтесь в музее, и только? Дойди дело до самосуда, старого хрыча заколотили бы на месте, бомж бы начал, а родные закончили. Шизоид полный. Он где, в телевизоре живет или, как все, здесь и сейчас? В жизни? Видать, что в телевизоре. Ради двух секунд счастья, пока дура-дикторша читает новость о его пожертвовании Российскому музею... нет, таких пинать надо бы... ногами.

Примерно такие мысли зрели в головах его товарищей. Наконец, Иван мрачно спросил: – Тань, ты все еще любишь дедушку?

– Пошел он. Видеть его не могу. Вань, я туда не вернусь. Дай закурить.

– Обойдешься. Сегодня ты свою норму выкурила. Не желаю с пепельницей целоваться. – Иван воспитывал супругу при любом удобном случае.

– Ага. – Танька вздохнула и бросила голову мужу на плечо. – И где теперь целоваться? Эд, у тебя пожить можно?

– Можно-то можно, – сказал Эдик, вспоминая голые стены в своей квартире. Денег на мебель не было. – Только это не решение проблемы. – Он одернул ей юбку, чтобы не отвлекала.

– А что решение? Квартиру снять? И юбку не трогай. Я знаю, Ваньке так нравится. – Танька дернула длинными ногами, снова показывая трусики прохожим.

– Меня с тобой арестуют, – мрачно сказал Иван. – Волю дай, голой бы ходила. Чего ж ты дома скромничаешь?

– Там дед, – жалобно сказала Танька. – Он злой. Видеть его не могу. Если вернемся, я не сдержусь, я все ему выскажу.

– Это уже лишнее, – сказал Эдик. – Что ж, старый сам виноват. Теперь ты перестанешь ныть, что попадемся. Придется вернуться к моему прежнему предложению. Хотя и не хочется делать лишнюю работу.

– Я – за, – веско сказал Иван, прижимая жену к себе.

– Ой, а если заметит, Вань? – в голосе Таньки – желание сдаться.

– Старый пень ни хрена не видит. Даже в очках, – сказал Иван.

– Ну да. За пенсию он в очках расписывается. Но он и в лупу смотрит, а в нее-то он подделку увидит. Хоть маленько, но он же работает. Значит, достаточно видит.

– Чего ты понимаешь. – Иван чмокнул ее в лобик, одернул юбку. – Ты еще не видела Эдькиных подделок. Один к одному. Эд, скажи ты ей.

– Чего говорить? Сама увидит. – Сказал Эдуард. – Мало я их нарисовал что ли? До того, что надоело. Тупая работа. Я лучше знакомым художникам заплачу. Копиями многие промышляют. Ребята и Рублева левой ногой напишут, и Шишкина, причем с похмелья, да так, что сам Шишкин подпишется.

– Ну ладно, – подумав, сказала Танька. – Я на тебя надеюсь. Не подведи. Дед мне голову оторвет, если узнает.

– Не оторвет, – Ванька еще раз чмокнул ее в щечку. – Ты не бойсь, Танюша. В обиду не дам. Я муж или кто?

– Ну, ладно. – Танька решительно выпрямилась. – Рискнем. Что будем брать, Эдик?

Услышав ее деловой тон, Эдик подумал, что рисковать придется только ей. Квартирой рисковать. Но в себе Эдик был уверен – он постарается не подвести. Теперь, когда принятое решение предстояло оживить, настроение резко изменилось – словно машина жизни, пробуксовав в топкой колдобине, газанула, вырвалась на твердую дорогу и пошла набирать скорость. Начали обсуждать конкретные вещи из разряда «что, где когда», и мелкие нестыковки и шероховатости потребовали смазочной жидкости. Пospорили, кому идти, но молодожены победили, и за вином пошел Эдик. Когда он вернулся, скамейка уже пустовала. Привычка уединяться

в самое неожиданное время и в самых неожиданных местах появилась у семейной парочки совсем недавно. Эдик никак не мог к ней привыкнуть. Поскольку в свое время, со своей женой такой привычки он не имел, она казалась какой-то искусственной. Почему-то раздражала.

Эдик поставил на скамейку литр греческого вина в картонной упаковке, стаканчики и полиэтиленку с абрикосами, и проснувшийся в траве бомж, углядев на скамейке этакое гастрономическое разнообразие, решил попытать счастья. И не зря – Эдик, погрузившись в свои мысли, только обрадовался возможности озвучить их на случайного собеседника. Радостный бомж по имени Леха только наливал и поддакивал. Сообщив, что его тоже выгнала из дома злая жена, он старался изо всех сил облегчить собрату по несчастью битву с зеленым змием и абрикосами, так сто ничего не мешало речевому аппарату Эдика рассказывать о несчастьях хозяина. Впрочем, развод Эдик несчастьем не считал, потому что не считал разводом, и скорее рассматривал эту жизненную коллизию как внеочередной отпуск, который вовсе не снимает обязательств. Тем более что новый муж Нины, он из породы упертых, но мечтателей. Денег таким не заработать. Деньги капают в конце механизма, как – чтоб бомжу понятней – самогон из змеевика – а этот Андрюха, аспирант-историк или кандидат наук уже, он ни о деньгах, ни об аппарате не заботится, он уже хватанул горючки и стоит на своем. Эдик пытался убедить Андрея, что направление главного удара следует изменить в более денежную сторону, чем дурацкая, никому не нужная история, но быстро понял, что убедить невозможно, как невозможно убедить пьяного. Это способ жизни, отличный от его собственного. Именно. В беседах с Андреем Эдик словно смотрел на мир другими глазами, или открывал для себя другую, невидимую прежде сторону мира, неподвластную пока, мистику своего рода. Эдик с его нюхом на подделку не мог постигнуть, где фальшь этой мистики, а где настоящее. Иначе говоря, не мог ей управлять. И самое странное, мысль не давала покоя – не она ли им управляет?

Андрюха при всей видимой простоте вызывал у Эдика дикое уважение именно тем, что жил своей непонятной реальностью, не замечая ее сложностей и ирреальности. Например, Эдик никак не мог бы упрекнуть его за увод жены. Это Нина ушла к Андрюхе, вот истина. Эдик понял, что никогда не любил Нину. Нет, любил, но... как-то по своему. Как его воспитали. Оказалось, это не любовь, а черт-те что. Нинка твердила: Андрей сказал, Андрей хочет, Андрей то, се... короче, Андрей невидимо поселился в их семье года за два до развода. Потом воплотился, и Эдику пришлось уйти. Так его воспитали. Он любил жену, пусть и по-дурацки, и если ей лучше с Андреем, то он рад за нее. И при чем тут развод? Формальность. Конечно, и то помогло, что знакомы были со студенчества, учились в одном институте, пока Эдика не увел оттуда мелкий бизнес на искусстве, точнее деньги. Они неизменно капали из всех краников всех аппаратов, составленных Эдиком из людей и обстоятельств, знаний и умений. Андрюха же фактически силой воли пытался чего-то воплотить, чего он там разглядел, в своей ирреальной исторической науке, вместо того, чтобы заставить работать аппарат по воплощению, сделать его. Определенная тупость тут присутствовала, но почему-то Эдик уважал эту тупость, трудно отличимую от упорства. Направленности, как у Андрюхи, у Эдика не было. Задумки, не больше, на два-три шага. Как и все, хотел разбогатеть, стать сильнее в жизненном плане. Эдик решал задачи, которые этому способствовали, вот и все. Андрюха же, например, все это отбросив, который год пытался доказать, что Кирилл и Мефодий, два монаха, которые разрабатывали кириллицу и дали Древней Руси письменный язык, пришли вовсе не из Византии или из Греции, а вовсе из Сибири, с востока. У Андрея имелась своя теория происхождения и Руси, и славян, и вообще всего на свете, если разобраться, и по этому взгляду Кирилл и Мефодий просто не могли не прийти из Сибири. В архивах полно всякой письменной дряни, где правда, где вранье – без трудов не разобрать, и естественно, что и сибирское происхождение этих странников в архивах попадается. И еще всякое другое, чуть ли не с Северного полюса, только выбирай. Вот уже тут бы Эдик остановился, потому что начались непонятные, бесившие вопросы. Во-первых, на кой черт сдались эти два древних монаха? Тем более до фени – откуда

пришли эти два придурка, хоть с Луны свались! Что это дает лично Эдику? Что дает Андрюхе? Ничего, это же ясно. Для Эдика. Андрей же давно вычислил по архивным следам место в Восточной Сибири, где стояла древняя ахинья вроде буддийского монастыря, при котором и выросли братья-монахи. Андрей считал их плененными детьми русичей, или еще кем-то в этом смысле, подневольными, из тех, какие были в то время, но дело-то не в этой фигне, а в том, что вся последующая карамель, которая должна была закопать или залить Андрюху, докажи он свою шизу, это шоколадка Андрюхе на фиг не нужна, в смысле там статей, гонораров, или там всяких званий вплоть до докторской диссертации. Андрюха, змей, придуривался, конечно, что он за этими коврижками и пашет, он такой же, как и все, сволочи, как и ты, но Эдика это не обманывало. Гадство в том, что все эти прибабасы, столь ценимые нормальными людьми, Андрюха запихает тебе в грызло за возможность... чего? В принципе, ответ ясен – за свободу. За свободу в каком-то высшем смысле... делать что хочет, вроде этого. Так что Эдик, как и подобает собачке, которая лает на бульдозер, понял в конце концов – для себя – кто есть кто – и просто изредка эдак лаял. По дружески... Вперед, мол, бульдозер. Я, собачка, с тобой. Делаю, что могу. Охраняю. Тяф-тяф. Эдика ничуть не интересовало мнение других всяких коллег и злопыхателей – у него свое имелось, так его воспитали. Нюх на фальшивки работал у Эдика не только на предметы живописи. Плевать ему было, чего там пытается вытянуть Андрюха в глазах других людей, Эдик чувствовал – Андрюха тащит что-то стоящее. Пытается. Ну, как не помочь? Жаль, нечем пока. Андрюха все спонсоров ищет для своих экспедиций в Сибирь, но дураков-то нет. Нашел пока что только дураков из научной молодежи. Пяток студентов, пара засидевшихся в девках преподавательниц, еще несколько энтузиастов, включая и эту дурочку Нинку, бывшую жену Эдика. Все нищие, естественно, кроме жены Эдика, и потому фактически все экспедиции Андрюхи, если разобраться, финансировал Эдик. Впрочем, ребята вкладывали в экспедиции своим трудом больше, чем Эдик деньгами, тут и считать нечего. Палатки шили из своих старых плащей. Гадство. Эдику просто обидно было за российскую науку. Тем придуркам в Кремле, что распоряжались бюджетом, им виднее, конечно, куда что тратить – на бомбы или на раскопки, но Эдик придурком себя не считал, и потому никогда не отказывал на просьбы жены отстегнуть что-то, если есть, на будущее для российской науки. Институт Истории, где преподавал Андрей, денег на всякие там экспедиции если и имел, то уж не Андрюхе их выделял, а более маститым, более золотистым в смысле будущих прибылей и славы, что в наше время одно и то же. Конечно, гипотеза у кандидата наук Ростовцева перспективная, но... денег нет. За свой счет. Только документы разрешительные и согласования с местными властями – и за то спасибо скажи. Если б не богатые, в смысле взятки, периоды сессий и приемных экзаменов, из института все преподаватели давно бы разбежались..., какая тут наука. Вот и весь тебе и Кирилл, и Мефодий, и монастырь ихний..., в реальности.

Андрюха молодец. Его это не останавливало. Кто деньги, кто шмотки, кто продукты – но уже который год эти «кто» посылали его экспедиции в треклятую Сибирь, где копались и копались волонтеры истории. Молодец Андрюха. Жаль, денег нет, помочь.

Бомж, который все это выслушал, тоже посетовал на отсутствие денег у Эдика, а то бы он непременно занял сколько-нибудь. Едва он это сделал, как появилась пропавшая парочка.

– Это кто? – спросила Танька.

– Кореш, место освободи, – сказал Иван словно спросонья.

– Я че? Я ниче, – объяснил бомж, вскакивая со скамейки.

– Мой знакомый. Зовут Леха. – объяснил Эдик. – У него несчастье. Какое-то.

– Ага. – Танька потрясла пустым пакетом из-под вина. – Это несчастье нам ничего не оставило. И что теперь? Я пить хочу.

– Леха, сбегай, – сказал Эдик. – Не в службу, а в дружбу. – И протянул бомжу Лехе сотенную. Эдик во многих вопросах отличался удивительной доверчивостью. Иван это знал давно, привык и смолчал. Танька еще не знала, но врубиться не успела, и бомж, естественно,

с подаренной денежкой не пришел. На упреке Таньки в сумасшествии Эдик вначале отвечал упреками в сторону российской культуры, которая отличается недоверчивостью, но потом обозлился и пресек это нытье деловым инструктажем, добавив, что свое вино оба уже получили в кустах. Таньке предписывалось стащить ключи от комнат, где пылились сокровища старого хрыча, а Ивану – выточить копии в ближайшей мастерской. И от стола ключи. И от всего прочего. Будут ключи – будет другой инструктаж. А насчет бомжа запомните – надо верить людям. Это не бомж обманул. Человек обмануть не может. Это Эдик ошибся. Бывает. Но людям верить необходимо. Иначе ничего путного не сделать. Понятно?

Иван, то это давно понимал. Танька – нет. В этом Эдику еще предстояло убедиться.

ГЛАВА 3. «Опять облом. Но мы выдержим»

Первую икону для Нортон Эдик получил уже через неделю, и неделя вышла нервотрепистой для всех, кроме деда. Ключи от рабочего кабинета и так называемого склада, комнаты, где хранилась основная часть коллекции, он таскал всегда с собой, и заполучить их в свои руки хоть на часок представлялось делом весьма сложным, но Танька поймала момент, когда на другой же день к старому хрычу завалился в гости такой же хрыч-коллекционер. Такой, да не такой, ибо редко с кем дед распивал чай, а, тем более, что покрепче. С четвертинки старых мухоморов изрядно развезло, и когда гость захотел подымить беломориной, они вышли на балкон, оставив дверь в кабинет, где проходила пьянка, открытой. Ключи лежали на столе между винегретом и тарелкой с колбасой. Танька не удержалась, заглянув в кабинет, и сцапала, не думая о риске, надеясь на «авось». И оно не подвело, родимое, вывезло, стариканы ничего не заметили. Иван успел сбегать за угол и выточить новый комплект ключей, а жена вернула их на стол во время очередного похода на балкон. Если б дед заметил пропажу ключей, кранты всему – подозрительный, он ничего не ожидал от окружающего мира, не доверяя даже родной внучке. Мир отплатил ему тем же – вот к чему приводит недоверие к людям. Так горько размышлял Эдик, когда попал уже на следующий день в старикашки кабинет, чтобы порыться в его бумагах. Прохиндей утопал в Российский Музей «для консультаций», и Эдика тут же вызвали по телефону. Просмотр бумаг жадного старикашки был необходим – Эдик знал, что все коллекционеры ведут уход-приход по коллекции, а Анатолий Иванович еще и бывший реставратор-профессионал, поэтому брать что-то наобум из его хлама – значило спалиться в пять минут. Надо сперва вычислить, что можно брать. Все реставраторы ведут «журнал» работ по отдельным единицам коллекции, у Анатолия Ивановича он имелся, с кучей других тетрадок, и все это ознакомилось с Эдиком, одно за другим, появляясь из левой тумбочки стола. Журнал подтвердил подозрения Эдика в слабости глаз Горшкова – за последние пять лет в графе «вид работ» значилась в основном очистка и укрепление красочного слоя. Расчисткой отдельных участков с помощью скальпеля, микроскопа и растворителя старик больше не занимался, тем более – восстановлением «пробелов» – все эти работы очень ответственные, руки и глазенки не тянут, боится испортить. Эдик отбросил последние сомнения – можно заменить подделками хоть всю коллекцию. Старикан не заметит. Журнал, кстати, высветил, словно прожектор, направленный в колодец, всю глубину черной, подлой душонки мерзкого старикашки. Нехристь уже два года систематически отдавал иконы и картины для реставрации в Российский Музей, причем – как это следовало из бухгалтерского журнальчика – реставрация даже приносила ему мелкие, но доходы. Ну, короче говоря, Российский Музей оплачивал ему трамвай или метро, типа того, что говорило Эдику о многом. Никто не будет реставрировать бесплатно, даже если захочет, не сможет расторгнуть договор о завещании с Российским музеем. Фактически тот оплачивает – пусть по символическим ценам – эту дареную коллекцию. Заранее. Из обоюдного интереса. Через мастерские Российского Музея прошло уже не меньше четверти коллекции, сумма уже набежала. Станным показалось то, что музейщики брали в реставрацию по критерию чисто денежной ценности – без всякой там тематики и годов. Подумав, Эдик нашел объяснение – руководство музея готовится принять в дар коллекцию явно для обмена, а не для экспозиции. Короче, темнят. А ведь старикан в том, перехваченном Танькой письме, хвастал дружку, что существует твердая договоренность об этом! Конечно, любой коллекционер, передавая коллекцию в дар, надеется на экспонирование, чтобы люди смотрели, чтобы знали мозгляки, что он круче их – вот взял и пожертвовал, вот я каков карась, не то, что прочая мелочь. Память надеется оставить, Иуда. Чтоб хоть там ожить, когда посетитель рыбным взглядом скользнет по мемориальной табличке с фамилией..., вот же гад старый! знает, что

родные и так не забудут, проклиная веки вечные, и внукам это завещая. Как же надо ненавидеть людей, чтобы отдать им в дар свою гадскую коллекцию?! Но Бог не фраер, он все видит. Коллекции старого придурка уготована даже не экспозиция, а распродажа своего рода, когда она пойдет на обмен с другими музеями, с приплатой, разумеется, в карман руководства. Так для кого, спрашивается, собирал всю жизнь коллекцию этот старикан? Для этих чужих ему людей? Да, любить человечество можно, только ненавидя своих родных. Хромает дочка-хромоножка. Внучка мается в комнатенке-чуланчике вместе с квадратным мужем, только мечтая кувыряться в собственной квартире. Он, Эдик, гораздо лучше старика – тот обворовывает родных, а он, Эдик, его, мерзавца, которого сам Иисус бы – и тот..., ну, Иисус бы, может, и простил негодяя, ему по рангу прощать положено, однако вот апостол Петр, какой ни ангельский чин, а непременно даст еще старикану по уху на том свете, а Павел – тот и в глаз засветит. За то, что старый греховодник не возлюбил своих ближних, да еще и кумира себе сотворил их старых загаженных досок и холстов..., впрочем, уже терпилово Божие истошилось – недаром тут Эдик стоит, а старый уже получил и по рукам, и по гляделкам.

Положим, Эдик сознавал, что такими рассуждениями он скорее успокаивает собственную совесть – но только краем сознания. Мир несправедлив, и кто такой Эдик, чтобы пытаться установить справедливость? Свою. Это все. Всеобщая – это к Господу. Даже Он отказался от этого. Раз простил. Эдик и выбрал из списка уже отреставрированного этого «Георгия» XV века. Уж его старикан, если и наткнется, особо разглядывать не будет. И копию изготовить несравненно легче, чем с Рублева. Автор-живописец крепкий, по письму видно, но таких Эдик подделывал пачками. Такого рода «новоделов» Эдик намастрячил в свое время достаточно, затирая потом живопись для придания старины чуть ли не сажой с краплаком на масле.

Этот «Святой Георгий, поражающий Змия» был скопирован за один день. Эдик получил за оригинал восемьсот долларов. Сюжет распространенный, но тысячу долларов икона стоила. Эдик не стал спорить с Нортон, помешало нехорошее предчувствие, которое только усилилось, когда он подделывал «Троицу». Побогаче отделкой, на золоте, но главное – не по канону писана, ни в цвете, ни в форме. Таких мало осталось, сжигали в первую очередь, если дрова вышли. Любой поп, зашед в в избу или в палаты, упрет перстом и зибисит – не та икона, не прайская, то раскольничья, али от беса, не от Духа Святага. Все-таки шестнадцатый век, и Эдик рассчитывал, по Божески, по очень Божески, но тысячи на три. Нортон выдал только две, но Эдик возникать не стал. Дурное предчувствие усилилось. Ладно, потом наверстает, коллекция большая..., хотя подделка «Троицы» влетела в сто баксов, не считая собственного труда. Самостоятельно наклеить сусальное золото Эдик мог, но время поджимало, лучше обратиться к тем, у кого технология «в работе».

Это предчувствие помешало вовремя и молодоженов одернуть. Первые восемь сотен – ладно, уступил Таньке, прогуляли «на почин», в ресторане да в казино. Но эти две тысячи следовало уже в дело пускать, хоть на покупку видеокамеры и компьютера, для подделок будущих. Танька разорялась на весь сквер, и он опять выдал тысячу на гулянку. Только остерег, что дед тупой, но если внучка примется фуфыриться на ровном месте, он что-то почует.

А на третьей иконе, «Св. Параскева», уникального письма и редких по сюжету боковых клейм, грянул гром..., точнее, заворчал, еще издали, но очень явственно – и куда там старикашке до такой угрозы! Когда Эдик выписывал клятые клейма, он просто сам себе приказал верить. И на вере этой только хватило наглости запросить пять тысяч баксов, однако Нортон разглядывал «Параскеву», словно дешевую шлюху, вырядившуюся в светскую одежду. Эдик понял, что ошибся. Нортон разбирался в подделках не хуже Эдика.

– Не стоит пока о цене, – мрачно сказал Нортон. Его ореховые глаза занавесились пшеничного цвета бровями. – Эдуард, я вам верю. Поймите меня правильно, дело тут не только в вас. Я отдал «Георгия» на экспертизу. Обошлось дороже, чем я вам заплатил за нее, однако... почему-то вызывала подозрение.

– У меня тоже, – сознался Эдик.

– Вот видите. Икона оказалась очень и очень качественным новоделом. Доска, естественно, старая, но левкач... К вам претензий у меня нет, но советую разобраться с этой коллекцией.

Эдик уныло кивнул, думая, что старикан мог и пропустить «мяч в свои ворота», неудивительно. Такое случается со всеми.

– Мало того, – Нортон сказал тихо, – ваша вторая..., «Троица»...

– Так и знал. Тоже подделка?

– Как сказать. Лики родные, но весь фон и одежда – недавняя работа. Это не то, что я хотел, и не то, что вы продавали. Я не за это платил деньги... Вы же понимаете.

– Вот гадство, – сказал Эдик. Он понимал. Пусть «новоделы» и «деланные» и в спросе, и стоят порой чуть меньше, а то и больше настоящих, однако ни Нортон, ни самого Эдика такие вещи не интересуют.

Встреча проходила в номере гостиницы, где жил Нортон, и Эдик от огорчения выпил банку пива, стоящую на столике. Стало еще горьче. Вера в «Параскеву-Пятницу» усохла. Он взял ее в руки, уже без веры. Теперь он видел, что и она – подделка.

– Пятьсот долларов я дам. – Сказал Нортон. – Если эта настоящая, доплачу потом.

– Давайте тысячу, и не надо никакой доплаты.

– Хорошо. Пусть будет тысяча, – безразлично сказал Нортон. – Надеюсь, в следующий раз... – Он замолк. Обоим и без слов было все ясно.

– Я разберусь, – сказал Эдик, запихивая в карман несчастную тысячу.

Он позвонил молодоженам и вечером сел на знакомую скамейку в скверике. Первым пришел Иван. Узнав новость, он не очень огорчился – и эти тысячи в его глазах выглядели деньгами. В вопросе – кто является источником подделок, он согласился с Эдиком без особых раздумий. Дед? Он профи, спец. Эдик? Иван? – это не обсуждается, знают друг дружку. Танька? Несерьезно. Остается Российский Музей..., точнее, та хитрая гнида, которая там завелась и которая их облапошивает. Иконы отбирались из побывших на реставрации в этом музее – их дед хватиться по какой-то надобности не должен. Но Иван Ради прикола предложил завинтовать Таньку.

Она тут же прибежала – дед припахал ее на домашней работе, задержалась, но успела притащить картонный литр вина, в этот раз французского «Авиньон», и три апельсинчика. Эдик ошандарашил ее новостью – ошандарашилась так, что и вино упало, и апельсинчики раскатились. Вместо денег – предьява.

– Вы что? Думаете, что я? – Танька немножко испугалась. Зеленые глазищи часто заморгали и увлажнились. Пальчики вцепились в скамейку.

– Пока... мы ничего не думаем, – сердито сказал Иван. – Тебя просто спрашивают – никому больше про иконы не рассказывала?

– Вы с ума сошли? – Танька ничего не понимала, глядя то на одного, то на другого. Оба стояли перед ней, стараясь сверлить и испепелять. – Я их у деда взяла. Мы вместе взяли.

– А может у тебя знакомый художник, какой есть? – небрежно спросил Иван.

– Ты с ума сошел! – Веснушки на ее лице, казалось размножились на глазах. При всей рыже-кошачьей, ведьминской где-то по загадочности – внешности Танька оставалась дурадухой, сплюшь на эмоциях.

– Ну и Танька, – мрачно сказал Иван. – Всем Танькам Танька. Я тебя отколочу. Вот только разозлюсь. Эдик, стукни меня, а то никак не злитесь.

– Я тебя стукну, – пообещал Эдик. – А ну, прекращай. Ваши семейные разборки – это одно, а дело – совсем другое. Он шутит, Таня.

– Я тебе отколочу. – Танька неуверенно заулыбалась. – Прикалываешься, да? – Она встала, подняла руки и упала на Ивана. Приняв бросок на грудь, тот закричал. – Нет, я тебя должен исколотить. За все хорошее. В кустах где-нибудь. Идем.

Провожая взглядом исчезающую в зелени парочку, Эдик подумал, что у супругов начались проблемы, но это его не касалось. Сев на скамейку, от нечего делать вскрыл вино и тут краем глаза углядел вроде знакомую фигуру. Тот чертов бомж..., ситуация повторялась. Он живет тут, что ли? Бомж Леха, небритый и несчастный, посматривал издали, борясь с противоречивыми желаниями. Конечно, он решил рискнуть. Вино – единственное спасенье от заклятого друга бомжей – похмелья. Приняв одновременно дружелюбный, виноватый и независимый вид, он подошел в пределы слышимости.

– Эдик, честно... менты забрили, едва твою сотку у киска вытащил. Эдик, сотка за мной, отвечаю. – Его лживые глазенки так и бегали.

– Бывает, – согласился Эдик. – Менты, они такие. Присаживайся.

Тратить злость на несчастного бомжа Эдик не собирался. Людям надо верить. Удовольствие это дорогое, и не каждый может его позволить. Но иным путем вообще невозможно получить хоть что-то путевое. Эдика же, к примеру, никто не обвинял во вранье совсем недавно.

Бомж рассказывал какие-то сказки о своей жизни, запивая горе французским сухим вином и заедая апельсинами.

«Счастливый человек, – думал Эдик, глядя в глаза небритого собутыльника, в которых сияла искренняя вера самому себе, – у него все просто. Он очень хороший человек, только ему очень не везет. С такой верой нужно бомжевать. Если ему взбредет в голову, что он очень плохой, и ему еще очень везет, у него появится шанс подняться. Но для этого надо поверить людям. Даже ментам. Вдруг они правы, называя его грязным бомжом и попрошайкой. С бомжом все ясно. Как и с директором Российского музея. Тот уж точно знает, что он очень плохой, и что ему страшно везет. Но он верит людям, значит, с ним можно иметь дело».

– Мужик, ты уже надоел, – сказал Иван еще издали. – Эд, он тебе что – родной?

– Вообще-то, – заметил Эдик, – существует мнение, что все люди – братья.

– Ага, – ядовито сказала Таня, тряся пустым пакетом из-под вина. – Твой брательник обнаглел. Опять вина нету.

– Я че? Меня угостили, – объяснил Леха, неприметно откатываясь от скамейки.

– Его милиция обижает, – заступился Эдик, – Леха, не в службу, а в дружбу, сходи за вином для дамы.

Как у бомжа хватило смелости вернуться под многообещающими взглядами супругов, и взять столик, остается очередной загадкой русской души.

– Я сейчас. – Бомж Леха с прихваченной сотней исчез в мгновение ока.

– Может, совесть проснется? – понадеялась Таня.

– Не знаю, – с сомнением сказал Иван.

Эдик с симпатией оглядел обоих, ему повезло с друзьями. Оптимисты, верят людям. Но еще многого не поняли. Что человек поступает всегда одинаково. Бомж однажды не пришел. Не придет и теперь. Никогда не придет. Эдик не впервые ошибся в человеке, но при чем тут человек? Просто Эдик верит людям. И всегда будет верить. Иначе ничего путного не получить.

– Значит так, ребята, – сказал Эдик, – забудьте вы про Леху и про вино. Это мелочь. Вернитесь из своих зеленых облаков на грешную землю. И вы увидите, что нас имеют по полной программе. А больше всех – нашего деда-кормильца. Тань, тебе старенького не жалко? Всю жизнь, как придурок, собирал свое барахло... для неизвестного хлюста. Не зря я считаю коллекционеров сумасшедшими.

– Нет, ну кто мог?! – завопила Танька.

Она наверняка пыталась припомнить сейчас кого-то из друганов деда, но самое очевидное так и не приходило в ее голову. Но Эдика не могла обмануть защитная маскировка в

виде звания, должности и прочей солидной вывески даже со словом «государственный». Он верил людям. Он верил директору музея. Танька не поверила. Так и сказала. – Не может быть. Да и зачем ему? Если все и так музею завещано?

Эдик в двух словах объяснил дурочке разницу между карманом директора и музейным карманом, государственным и предложил рискнуть, проверить гипотезу. Если отреставрированные в музее оказались подделками, то другие, которые на очереди, должны быть настоящими. Как, проверим? Есть риск, что деду взбредет в голову отдать в реставрацию именно эту вещь.

– Рискнем. – Танька решительно потрянула рыжими волосами. – Плевать на деда. Он точно – сумасшедший. Аж плакать хочется.

– Ну, и нечего тогда, – сказал Иван, – стащим Рублева, а? Денег все нету, Эд.

– Не дай Бог... и Рублев поддельный, – сказал Эдик.

Чего?! – возмутилась Танька. – Ты деда за лоха не держи! Он специалист! Он...он...он вообще хороший, просто старенький, и обманывает его сволочь всякая. Это все Российский музей. Какое право имеет моего деда обманывать?!

– У нас прав больше, – поддакнул Иван.

– Вот именно, – согласился Эдик.

ГЛАВА 4. Вроде успех? Чего же не хватает?

На этот раз Эдик не стал раскошелиться на качество. Подделку, оставленную в коллекции Анатолия Ивановича вместо «Жития св. Ионы», редчайшего сюжета, XV век. Двадцать клейм-миниатюр, сусальное золото с рифлением, доска – из лиственницы «двойной ковчег», эту подделку даже старик с его пусть ослабевшим зрением, увидел бы издали и без очков. Такую вещь за неделю не подделать, одну только голую доску – наищешься..., а работа? а сусалки? миниатюры? А... а! пройдет! Танька запихала подделку в самый дальний угол, чтоб случайно не наткнулся, и спустя два дня супружеская парочка нетерпеливо копытила асфальт возле метро в ожидании Эда, после звонка о хороших новостях. Таньке надоело жевать дедовскую пенсионную колбасу, хотелось сервелата. Иван вообще размышлял бросить работу «бобиком»..., если повезет, конечно, с суммой. В этот раз их оптимизм полностью оправдался. По одной невозмутимой Эдькиной роже еще издали поняли, что икона прошла, и за настоящие бабки. Танька подпрыгнула и завизжала. Пыталась свалить Эдика, кинувшись на шею, но Иван поймал вовремя, в полете.

– В сквер, скверные ребята, пойдем... – Эдик не сумел удержать искренней улыбки. Да, надо верить людям. Нортон отвалил без торгов пятьдесят тысяч долларов. Это зацепило и Эдика, который собирался вырвать тридцать. Не меньше, и по-Божески, потому что в этот раз все его чутье так и вопило о настоящем раритете. Нортон изучал ее с час, наверное, но потом без торгов – полтинник. Хотя прошлая, Параскева-Пятница, опять оказалась подделкой. Что делать, никакой девственнице не уцелеть, оказавшись в цепких лапах директора Российского музея. Этот тип занимал все больше места в голове Эда. Наезд на супостата представлялся неизбежным. Но пока не хотелось думать о неприятном.

– Эд!!! – завyli оба, едва Эдик достал из кармана первую пачку долларов. – Ну, Эдик!!!

Этот упреждающий залп по экономическим соображениям, еще не высказанным и неизбежным, заставил Эдика немного отступить от них.

– Ладно, делим по пять тысяч на нос, а остальное...

– По десять! – Таня пыталась схватить его за горло.

– По десять, – поддержал жену Иван. Мне машина нужна. Хватит на общак и двадцатки.

Спорить бесполезно, Эдик сдался, выдал на руки по десять тысяч. Потом – еще по пять, из-за всяких соображений. Иван обещал объяснить деду неожиданную прибавку к зарплате огромной премией, которую получил за спасение босса от бандитской пули, Эдик решил, что пора покупать мебель, И машину.

К скверу подходили с пакетами вина и фруктов.

– А где наш бомжик? – у Тани добрая душа, все обиды забыла.

– Идем прогуляемся, Тань. На радостях, – предложил Иван.

– Обсудить кое-что надо. Подождите маньячить. Неужели не надоело? – сказал Эд.

– Нет, – хором отозвались маньяки.

– Ну и маньяки. Вы что не врубались, что означают эти пятьдесят тысяч?

– Поняли, поняли. – Танька уселась на колени мужа, завернув юбку до отказа.

– Фигу вы поняли, – сказал Эдик, спихивая ее обратно на скамейку. Иван тоже пытался, но сил не хватало. Вдвоем справились. – Сядь спокойно, мелочь рыжая. И слушай.

– Я слушаю. – Рыжая погладила сумочку, где успокоились 15 тысяч долларов. Ее глаза сверкали.

– Теперь можно считать доказанным, что Российский музей залез к нам в карман... Танька, да перестань ты тискать Ивана! Я серьезно. Сами видите. Какие бабки можно сделать на коллекции. Они не отстанут, музейщики. Им понравилось, крысам, в нашем кармане. За того,

первого «География» уж они взяли даже не тысячу долларов. У них есть возможность пустить ее через хороший зарубежный аукцион, а это значит, не меньше десяти тысяч. Мы неизбежно с ними столкнемся. Поэтому я предлагаю наехать на директора Российского музея, пока у нас есть определенные преимущества.

– Ты с ума сошел! – взвизгнула Таня.

– Тебе, конечно, видней, – неуверенно сказал Иван. – Но директор Российского музея – это фигура. Он с мэром московским за руку здоровается.

– Бабки тоже фигуристые, – обозлился Эдик. – За Иону мы получили пятьдесят кусков. И вырвали у него из зубов, считай, что триста тонн баксов. А то и все полмиллиона. Вот тут какие бабки, если умеючи, при его возможностях. Если он натолкнется на нашу подделку – а рано или поздно так и случится – он быстро сообразит что к чему – и сдаст нас. Подставит. Под деда, а то и под ментов. Надо наезжать, пока не поздно. Если он жулик-одиночка, он половину еще и вернет, скандала испугается. Если поод «крышей», то фигу чего вернет, но зато в дальнейшем примемся доить старого хрыча вместе.

– Думаешь, он признается? – с сомнением сказал Иван. – Ему есть на кого свалить. Скажет, что реставратор иконы подменил. Или еще кто.

– А так и есть, – сказала Таня. – Ты нас всех продашь, Эдик, и все провалишь. Не вздумай наезжать, я – против.

– Все равно надо наезжать, – стоял на своем Эдик. – Даже если директор не при делах, он тут же согласится делить бабки Набьем морду реставратору, и будем работать вместе. Надо верить людям.

– Ага. Бомжу ты два раза поверил. И что?

– Да ничего! – Эдик повысил голос. – Он же не обманул, пойми. Это я ошибся.

– А если с директором ошибешься?

– Он не бомж. А если ошибусь тебе же лучше. Дед поймет, что в музеях сидят такие же сволочи, как и его родные.

– Это почему это мы сволочи? – возмутилась Танька.

– Это твой дед так считает. Раз не хочет оставить вам коллекцию. Он что, думает, что незнакомые люди лучше? Если директор музея поднимет скандал вали все на нас с Ванькой. Мы выдержим.

– Конечно, на вас и свалю, – убежденно сказала Таня. – Я и не знаю ничего. Иван иконы воровал. А ты подменял. Я и не знаю ничего.

– Так мы и договаривались, – терпеливо сказал Эдик. – Но директор не поднимет скандала. Иначе, какой он директор.

Спор быстро затух. Возразить что-то стоящее молодожены не смогли, решение было принято, после чего молодожены ушли мять траву. Недавно Иван признался Эдику, что Танька вела себя дома как принцесса в руках злого разбойника. Даже ночью. Видать присутствие деда за стенкой связывало желания не хуже веревки. С детства его боится.

Бомжа повстречали на выходе из сквера, случайно. Складывал пустые бутылки с весьма деловым видом. Танька кинула в него апельсином – и попала. Бомж от неожиданности упал, перепугался: – Вы чего?!

– Леша, вы где пропадаете? – воспитанным голосом спросила Таня. – Мы за вами гоняться должны, да? Вот вино обратно тащим. Нехорошо. – У Таньки в руках действительно был пакет с вином – последний. Бомж ничего не понял, но побледнел и замер.

– Во напугала мужика, – огорчился Иван, когда Леха, попытавшись вскочить на ноги, запнулся за бутылки и снова упал.

– Ребята..., я это... отдам..., менты проклятые все забрали... – бормотал он, глядя снизу вверх на подошедшую троицу.

– Ты стольник забыл, – сказал Эдик, вытаскивая сто долларов. – Леха, ты невезучий. Тань, отдай вино. Мы тебя ждали.

– Я...это...хотел..., – ныл бомж, с видом приговоренного беря зеленую бумажку.

– Держи, Леша. Не опаздывай больше, – Таня бросила ему вино.

– Нам бы твои проблемы, – сказал Иван. – Ты че, совсем дикий?

– Я отдам. – Бомж Леха отползал подальше. – Ребята, я отдам.

– Ты чокнутый, – вздохнул Иван, и троица, полная крымским вином, надеждами на светлое будущее, прошла мимо, словно трехмачтовый фрегат мимо полузатонувшей посудыны.

ГЛАВА 5. Наезд на музей

Директор Российского музея господин Пузырев Иван Иванович оказался щекастым, полноватым человеком лет тридцати пяти. Выглядел он моложе, из-за румянца, но очки возвращали украденные румянцем года. Эдик доброжелательно глядел ему в синие бесстыжие глаза, стараясь думать только хорошее. Не выходило, уж очень глаза синие... как лед. Эдик перевел взгляд на белобрысые остатки волос на круглой голове директора. Вроде еще прическа. А вроде уже лысина, замаскированная прической.

– Итак, чем могу служить? – сухо спросил белобрысый прохиндей. Письменный стол, за которым он восседал, подавлял размером – красного дерева, массивный. – Мне доложили, что Вы от Анатолия Ивановича Горшкова?

– Ну да. В определенном смысле. – Эдик положил ногу на ногу, уселся в кресле поудобнее. Эдик вспомнил тоненькую беленькую секретаршу в приемной директора. Вид неприступный, несмотря на хрупкие размеры. Наверняка оттого, что директор ее трахает. Или наоборот – чтоб не затрахал. Эдик оглядел кабинет еще раз – впечатляет. Картины, иконы, старинное оружие..., не кабинет, а еще один зал музея. Проходимец неплохо устроился.

– Я слушаю, – с нотками нетерпения напомнил о себе директор.

– А, ну да, – спохватился Эдик. – Я отвлекся, извините. Думал, Вы серьезнее.

– В каком смысле?

– Это неважно. Я от Горшкова, да. Только сам Горшков об этом не знает. Мы с ребятами принялись было его доить – в смысле, тырить иконы из его бесценной коллекции и заменять их подделками. И что оказалось...

– Как? – встрепнулся директор, – как Вы сказали?

– Ну да. А что такое? Старый пень все равно не хрена не видит, сами знаете, иначе не рискнули бы втюхивать старому свои подделки вместо реставрации. Кстати, отличное качество – я как специалист говорю. Мои подделки не хуже – проскакивают любо-дорого. Фирма веников не вяжет. – Эдик приветливо заулыбался. Директор снял очки и принялся их протирать. Пальцем. Опустив глаза. Лицо не поменяло выражения, разве что на лбу появилась черточка меж белесыми бровями. Он молчал, и это Эдику понравилось.

– Короче, Иван Иванович. Вы скоммуниздили у деда сорок шесть икон и восемнадцать картин разных авторов, согласно записям Горшкова. Я прикинул, на какую сумму. Заметьте, считал по нашим российским ценам, но когда счет перевалил за второй миллион долларов, я бросил считать. Я реалист, поезд уже ушел, но триста тысяч долларов Вы мне пришлите, будьте добры. В счет возмещения ущерба, пусть и невольного с вашей стороны. Реального ущерба. На продаже только одной иконы из еще не реставрированных вашим музеем я легко сорвал пятьдесят тысяч, а на ваших реставрациях – в сумме три штуки за несколько икон. Триста тысяч – это справедливо, согласитесь. Тем более, я навел справки о вашем финансовом положении. Очень поверхностные, у одного из ваших работников за бутылкой коньяка в пивной. У вас новенький «Порш» за сто двадцать тысяч долларов, у вашей жены – «Рено» за девяносто. Дача на Рублевке – это с полмиллиона, по самым скромным. Квартира из пяти комнат в центре Москвы – тут счет сами знаете. А неделю назад Российский музей – нищий, по словам собутыльника, – вложил двести тысяч долларов в экспедицию какую-то в югах российских. Уверен, это ваши деньги. Я понимаю, вам такая трата зачем-то нужна. Так что еще триста тысяч, уверен, наскребете. Но не эта мелочь главное. Важнее второе, насчет будущего. Раз уж так получилось, предлагаю курочить коллекцию старикашки совместно. Чтобы не случилось подобных накладок. Надеюсь, возражений не будет? Предлагаю в половинной доле, при этом вся реставрация – за ваш счет. Я ясно изложил?

– Ясно то оно ясно... – Директор вновь надел очки, – но я... что-то плохо сейчас соображаю. Мне потребуется время, чтобы... осмыслить... такие... невероятные новости..., так что..., насколько я понимаю, Вы кого-то представляете?

– Родственников этого старого придурка Горшкова. Это и крыша, и прикрытие. Триста тонн нужны, чтобы их утихомирить. Я еле отговорил их, а то собирались раскрыть глаза старому дураку на Ваши художества. В надежде, что коллекцию он им отдаст. И прослезится от благодарности. А я решил, что дурак всегда поступает по-дурацки. Горшков, чего доброго, надумает, что в Третьяковке люди честнее вас, и завещает свое вторсырье им. Так когда прикажете получить эти три несчастные сотни? Желательно побыстрее, это в ваших интересах. Уверен, что недели вам хватит, если все деньги в разгоне. Займите, в крайнем случае. А пока давайте ускорим, начнем неизбежное сотрудничество. Сейчас у вас в реставрации находится горшковская картина. Ранний Серов «Девочка с котом». Ваша подделка, видимо, уже высыхает, но еще не у Горшкова, значит, подпадает под наше сотрудничество. Поэтому половина прибыли от продажи положена мне. Чтобы не мелочиться и не терять время на споры, оцени «девочку» в червонец. Дешево, сами знаете, но условие – выплата сейчас. Чтобы не мешали эти мелочи нашему будущему. Не хочется терять время на оценки экспертов, они вечно разные, штук сто зарядят, тогда придется отдать полтинник. Не сейчас, позже, но это полтинник. Согласитесь, я веду себя по-христиански. И еще – впредь будете брать у деда вещи вот из этого списочка, – Эдик вытащил из кармана бумагу. – Я наметил кое-какие, по принципу скорости и ценности. Прошу придерживаться. Самодеятельность в этом вопросе исключается. Договорились?

– У меня голова идет кругом, – сказал блондинчик в очках. – Не так сразу – я мало что понимаю. Вы хотите сказать, что в коллекции Горшкова...

– Если Вы девочку хотите из себя разыгрывать, Иван Иванович, воля ваша. – Эдик говорил очень доброжелательно. – Но советую не тратить попусту. Пока Вы не вызовете милицию, или охрану, или, на худой конец, пока не позвоните Горшкову, я вам как Станиславский скажу только одно: Не верю!

– Милиция... при чем тут милиция... – директор поморщился, опустил глаза. – Может до нее и дойдет дело, но сначала я должен выяснить..., я должен разобраться сам... найти виновного..., ваше заявление... о безобразиях, оно нуждается в проверке...

– Не верю, – отрезал Эдик. – На своих реставраторов бочку не катите. Я не новичок, поверьте. Без вашего ведома подделка и подмена попросту невозможна.

– Однако... это я скорее... новичок. – Пальцам директора, видать требовалась работа, и он снова снял очки. – На своей должности я всего лишь два года. Еще многого не знаю. Мне приходится доверять людям. Обратите внимание, вам я тоже верю. Полученный сигнал я... проверю. Приму меры. Ваши финансовые претензии – это не ко мне.

– Не верю, – Эдик обозлясь, решил форсировать события. Он вытащил сотовый телефон, набрал номер.

Директор беспокойно спросил:

– Куда Вы звоните?

– Не волнуйтесь, все будет тип-топ, – заверил Эдик, улыбаясь. – Алло, могу я Горшкова побеспокоить, Анатолия Ивановича?

– Подождите... – директор встрепенулся.

– Да успокойтесь Вы. Анатолий Иванович? Здравствуйте, из Российского музея вас беспокоят. Я его заместитель, он просил передать вам..., простите только что вошел Иван Иванович, передаю трубку. Это насчет картины Серова.

Эдик сунул сотовый телефон в руку Пузырева. И подвинул свой листочек бумаги.

– Анатолий Иванович, здравствуйте... да, новый зам. – Лицо директора словно пригасло. – Я хотел сказать, что реставрация Серова несколько затягивается, извините... – Дирек-

тор увидел палец Эдика, который настойчиво тыкал в листок бумаги, и лицо его чуть убавило энергии. – И вот еще, Анатолий Иванович, у нас освободились люди, появилась возможность привести в порядок сразу несколько вещей из вашей коллекции... Нет, нет, мне бы хотелось самому отобрать вещи, я заеду к вам... хорошо, сегодня же... да-да... так получилось, что... да, до встречи, Анатолий Иванович.

Пузырев положил сотовый себе в карман, спохватился и передал Эдику. Лоб директора покрылся потом.

– Мне просто дорога репутация Российского музея, – с неприязнью сказал он, – я не могу... так же безответственно рисковать ею. Только поэтому я пошел у вас на поводу. Это не значит, что... простите, как ваше имя – отчество? из головы вылетело..., неудивительно, при ваших новостях.

– Эдуард Максимович Поспелов. Можно просто Эдик. Или Эд. Мы же свои.

– Эдуард Максимович, повторяю, что я... – начал было свою песню директор, но Эдик перебил:

– Ну, хорошо, я понял: Вы – гордость культуры, эталон честности, и все такое. Я только рад сотрудничать с таким человеком. Вопрос в другом – где мои деньги? Пять тысяч долларов. Я должен получить их сегодня. – Эдик, взяв сотовый, нацелил палец в кнопки набора.

– Это... это шантаж? – проскрипел директор.

– Перестаньте. Какой шантаж, если Вы честный человек. Вы меня убедили. Это ваши реставраторы виноваты. Но Вы же не захотите выглядеть ослом, которого подчиненные толкнули в яму. Выбираться придется. Значит, сотрудничать. И подменять коллекцию. Потом Вы все свалите на меня. А пока пришлите пять штук. – Эдик застучал по цифрам телефона.

Директор вскочил:

– Да подождите Вы! Я... у меня нет таких денег..., разве только в сейфе посмотреть...

– Я жду.

Директор торопливо отпер сейф в стене, долго шарился там, но через пять минут пятьдесят сотенных долларовых бумажек, пересчитавшись, спрятались в кармане Эдика.

– Только нежелание скандала вынуждает меня, – то и дело повторял Пузырев, – мне дорога репутация Российского музея.

– И еще расписочку накатайте, – сказал Эдик. – Что Вы одолжили у меня триста тонн баксов и обязуетесь вернуть их через неделю.

– Это исключено, – твердо сказал директор. Он начал приходить в себя. – Эдуард Максимович, эти деньги Вы будете требовать с виновного, которого я обязательно найду. Триста тысяч – это огромная сумма. Репутация Российского музея столько не стоит.

Но твердость эта касалась только собственного кармана. Когда Эдик втолковал ему, что вместо расписки лично от директора его устроит какой-нибудь долговой документ от Российского музея, директор стал поддаваться. Эдику пришлось напомнить и о милиции, и о существовании статьи за мошенничество, и о Горшкове, который имеет все необходимые подписи на необходимых документах – лично директорские – для того, чтобы подать в суд и выдрать не меньше двух миллионов. Эдик устал давить, но сумма окупала усталость, и он давил. Кончилось тем, что директор сдался и вызвал секретаршу:

– Людочка, зайди. Ручку, блокнот.

Зашла беленькая секретарша с блокнотом наготове.

– Отпечатайте и принесите на подпись трудовое соглашение следующего содержания... – Директор принялся диктовать. Эдик узнал, что обязуется перевести с французского языка рукопись семнадцатого века «Воспоминание о Руси» француза Пуассона, а Российский музей в лице директора обязуется заплатить переводчику триста тысяч долларов США.

– Не пойдет, – сказал Эдик, когда секретарша ушла печатать. Кто рукопись переводить будет? Не я же?

– Перевод на русский уже существует. Выполнен одним из членов общества дружбы «Россия-Франция». И бескорыстно передан в Российский музей, вместе с рукописью. Есть еще, знаете ли, энтузиасты, чуждые корысти.

– Я ими горжусь, – сказал Эдик. – А ревизоры поверят? Не много ли за перевод?

– Вы рукопись не видели. Чуть не полметра высотой. Парень пять лет работал. Правда, скверно получилось.

– А что Вы хотите от энтузиастов? Вот за триста тысяч вам бы профессионал смастерил высший класс перевода. Если б я не пришел, Вы бы и эти три сотни...среставрировали, да? У вас не должность, а Клондайк. В самом деле, возьмите заместителем, Иван Иванович.

Директор воспринял это всерьез, его брови поползли вверх:

– Вас?! Такого наглеца? Я в тюрьму не собираюсь. Да у меня и нет заместителя. По штату не положено. Мы – очень бедный музей.

Когда секретарша принесла отпечатанный текст договора, Эдик в этом убедился. Наложив короткую резолюцию «В бухгалтерию. Оплатить», Пузырев затем позвонил в эту самую бухгалтерию и сказал:

– Александра Семеновна, сейчас к вам товарищ подойдет, Пospelов, постарайтесь найти возможность к оплате, передаю ему трубочку...

Ехидно-злорадную усмешку директора Эдик понял через две минуты разговора с главным бухгалтером. Оказывается, на зарплату работникам денег нету который год, на ремонт, и вообще ни на что. Как только появятся деньги на счету – так сразу и оплатим. В порядке очереди. Вы невеста какой по счету.

– Ладно, – сказал Эдик. – Я не вредный. Я могу и подождать.

Он ничуть не огорчился. Конечно, тут Пузырев его провел, как говорится. Но главное – в другом. Теперь никто не помешает Эдику подделывать коллекцию Горшкова. Этими деньгами никто с Российским музеем делиться не собирается. Все под контролем, что и требовалось.

ГЛАВА 6

Эту «копейку» раньше иногда водил Иван, по доверенности от соседа-пенсионера, за двадцать баксов в день. Теперь Иван приобрел за пять тысяч почти новый, по российским меркам, «Мерседес» серого цвета, а за рулем вишневой «копейки» наводила ужас на прохожих его рыжая жена Татьяна, только что получившая права на вождение, ас-водила, по прозвищу «мама: не надо», каким наградили ее инструкторы автошколы. За руль «мерса» Иван ее не пускал – пусть лучше бьет соседскую «копейку», тем более сосед об этом и мечтает, чтобы пустить залоговые две тысячи на что-нибудь поновее.

«Копейка» уже стояла у подъезда Эдика, когда он вышел на улицу. На встречу с майором ФСБ Гольцовым решено было поехать вместе. Ребятам не терпелось узнать новости, на улице подождут. Этот майор позвонил Эдику вчера, впервые за полгода или больше, предложил встретиться по одному делу, и Эдик сразу сообразил, чьи уши торчат из-за майорской спины. Пузырев должен был навести справки об Эдике, и он навел. В милиции на Эдика навряд ли даже досье есть, а вот ФСБ такое имеет, ввиду долгого сотрудничества Эдика с этой организацией. Грубо говоря, Эдик «стучал» туда, и стучал именно майору Гольцову, своему куратору, или как они там называются. В сфере торговли антиквариатом часто крутятся иностранцы, интересные комитетчикам, и этих иностранцев среди покупателей Эдика хватало. Впрочем, Эдик являлся, так сказать, стукачом идейным, не на крючке у органов, как большинство этой публики. В середине девяностых, когда через Измайловский рынок проходили тысячи икон, рэкетиров тут не было – эта сфера традиционно находилась в сфере интересов комитетчиков, а те, если и выносили конкурентов, только вперед ногами. Эдика же воспитали законопослушным, в определенных границах, конечно, и он не выносил этой уголовной шушеры вроде воров или убийц, тех, кто за старые доски из сельской глубинки с легкостью шел на грабеж или на удар по старой голове владельца этого старья. Попав в кабинет к майору Гольцову по какой-то мелкой причине, Эдик без раздумий согласился помогать в очистке искусства от уголовщины, чем и преуспел, сдав майору Гольцову немало грабителей и даже, как потом оказалось, убийц. Ясно, что и Пузырев должен знаться с ФСБ, должность такая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.